

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 81'42+81'27

Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики)

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Для цитирования: Чернышова Т. В. (2022). Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики). *Медиалингвистика*, 9 (3), 170–189. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.301>

Представлены результаты исследования конфликтного речевого взаимодействия пользователей в сетевом пространстве современной России. Предмет изучения — дискредитирующий кибербуллинг в полилогах сетевого общения. Цель исследования — на материале спорных текстов, ставших объектом судебного разбирательства в 2019–2021 гг., описать варианты формирования дискредитирующего кибербуллинга в сетевом общении и выявить некоторые его типологические черты в сравнении с конфликтными текстами дискредитирующей направленности в материалах традиционных печатных массмедиа. Исследование, проведенное на материале трех разновидностей агрессивного речевого поведения коммуникантов сетевого общения — SMS-переписка, чат в мессенджере WhatsApp и личная переписка в том же мессенджере, позволило уточнить некоторые типологические признаки разновидностей кибербуллинга как отчетливой социальной проблемы, требующей обсуждения и поиска методов решения. Сопоставительный анализ публичных агрессивных, связанных с попыткой дискредитировать оппонента, речевых действий в традиционных медиа (СМИ) и социальных мессенджерах позволил выявить их общие и различающиеся признаки. К общим признакам, объединенным стратегией и тактиками дискредитации, относятся целенаправленный и заранее спланированный выбор «жертвы», обусловленный ситуацией общения, целями, реализацию которых преследуют дискредитирующие или оскорбительные действия, и конвенционально или законодательно закрепленные правила речевого поведения в публичном и частном речевом общении. Различия, на наш взгляд, обусловлены прежде всего типом дискурса (институциональный, межперсональный или смешанный), формой проявления языка как средства общения (письменная/печатная, устная, электронная); фактором адресата (числом участников, втянутых в речевой конфликт или наблюдающих его); совокупностью отобранных для кибер-

буллинга языковых и неязыковых средств. Полагаем, что современные массмедиа во многом определяют характер речевого поведения своей целевой аудитории в социуме и служат своеобразным эталоном отбора речевых средств коммуникации не только в «реальном», но и в современном виртуальном общении.

Ключевые слова: сетевое пространство, традиционные медиа, дискредитация, дискредитирующий кибербуллинг.

Постановка проблемы и теоретические предпосылки исследования

Проблемы влияния интернет-технологий на развитие русского языка, процесс коммуникации между индивидами социума, его конфликтное функционирование, развитие речевой, правовой культуры интернет-пользователей и многие другие темы в изучении положительных и отрицательных последствий стремительного вхождения интернета в наш повседневный мир неоднократно привлекали внимание различных направлений современной науки — психологии и культурологии [Панов, Патраков 2020; Галкин 2012; Елькина 2018; Косорукова 2018; Михайлова 2019; Мишина, Воробьева 2020; Лукинова 2020], юриспруденции [Никишин 2020; Горбаневский, Трофимова 2021], различных отраслей науки о языке (медиалингвистики, функциональной стилистики и сформировавшихся на стыке языка и права прикладных направлений исследований — юридической лингвистики, лингвоконфликтологии, лингвоэкспертологии, критики медиаречи и др.) [Медиалингвистика 2016; Медиалингвистика 2019; Социальные медиа, их виды и правила работы с ними 2017; Бегун, Салимовский 2009; Коноваленко 2009; Третьякова 2013; Курьянович 2015; 2017; 2018; Чернышова 2016; Дускаева 2020; Голев 2021; Duskaeva 2021; Duskaeva 2022].

Формирующееся цифровое пространство (цифровая среда) как система условий и возможностей, подразумевающая наличие «информационно-коммуникационной инфраструктуры и предоставляющ[ая] человеку набор цифровых технологий и ресурсов для самореализации, личностно-профессионального развития, решения различных бытовых и профессиональных задач» [Дурноглазов и др. 2019: 48], способствовало процессу цифровизации — формированию цифровой культуры в социуме. Д. В. Галкин, транслирующий технократический подход к анализу цифровой культуры, обосновывает «представление о цифровой культуре как артефактах и символических структурах, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закрепленных ментально» [Галкин 2012: 12]. Эту мысль, но уже с учетом субъекта цифровой деятельности человека (экопсихологический подход), развивают В. И. Панов и Э. В. Патраков, по мнению которых «в качестве основных компонентов цифровой культуры можно считать те ценности и практики, которые нужны людям», чтобы владеть относительной свободой «иметь и создавать идентичность и участвовать в “жизненной политике”» [Панов, Патраков 2020: 15–17]. В исследовании Е. Е. Елькиной, анализирующей цифровую культуру в рамках гуманитарного подхода, обращено внимание на мировоззренческие и онтологические вопросы в связи с расширением процессов дигитализации в культуре, сопровождающихся

трансформацией ценностей, образов реальности, изменением характера коммуникаций и поведенческих моделей [Елькина 2018: 50]. Подчеркивая, что не все уровни культуры подлежат дигитализации, автор отмечает, что в случае «утраты ориентира происходит исчерпание духовных потребностей и озабоченность повседневностью, стремление к доминированию и деструктивности», что, в свою очередь, «ведет к тоталитаризму, войнам, концу Истории» [Елькина 2018: 51]. Таким образом, исследователь констатирует двойственность результатов воздействия практик цифровой культуры на эволюцию человека и общества: положительная демонстрирует «потенциал возможностей многомерной парадигмы человека», а отрицательная связана с превращением человека в ходе дигитализации «в придаток технологий искусственного интеллекта» [Елькина 2018: 54].

Как отмечают М. В. Горбаневский и Г. Н. Трофимова, специфика виртуальной русскоязычной медиасферы обусловлена в первую очередь ее активным, деятельностным характером: с одной стороны, «неограниченной частотностью обмена посланиями, доступностью в получении, устойчивым впечатлением продолжения темы обозначенного разговора» [Горбаневский, Трофимова 2021: 127], а с другой — одновременной интеракцией большого числа людей, различиями в их культуре, отсутствием прямой (живой) коммуникации, «обеднением эмоционального компонента общения, анонимностью и снижением психологического риска в процессе общения» [Горбаневский, Трофимова 2021: 127]. Указанные свойства русскоязычного интернета позволяют исследователям выделить еще одно последствие цифровизации, непосредственно связанное как с общей и речевой культурой человека, так и с новыми явлениями, распространившимися в последние годы в киберпространстве, в частности с перенесением традиционных речевых конфликтов, обусловленных как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, в цифровую среду. Речь идет о «конфликтогенной» [Третьякова 2013; Чернышова 2016; Горбаневский, Трофимова 2021: 152–153], или так называемой криминогенной, интернет-коммуникации [Никишин 2020: 80], в которой реализуются «диффамационные, экстремистские и иные агрессивные речевые действия» [Никишин 2020: 79], направленные на реализацию самых разнообразных намерений: от формирования негативного общественного мнения, создающего напряжение в обществе, до речевого нападения, в ситуации повышенной социальной значимости порождающего в интернете «жесткое противостояние», которое сопровождается оскорблениями и унижениями собеседника любыми способами [Горбаневский, Трофимова 2021: 152–153].

Объектом исследования лингвистов все чаще становятся речевые правонарушения в массмедиа, «реализованные через медиаканалы в устной или письменной форме, в которых обнаруживаются отклонения от юридических требований и запретов» [Дускаева 2018: 101–102], сформулированных в различных документах. Данное направление критики медиаречи, разрабатываемое с 2016 г. кафедрой речевой коммуникации института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета под руководством Л. Р. Дускаевой [Дускаева 2020: 413–414], представлено, в частности, в материалах международной научно-практической конференции (6–9 сентября 2016 г., Варна, Болгария) в сообщениях панельной дискуссии по проблемам методического сопровождения лингвистического анализа медиатекстов (см. тезисы к докладам

В. В. Васильевой, М. А. Венгранович, А. Н. Добреевой и В. Г. Ткачевой, Г. С. Иваненко, Е. С. Кара-Мурзы, Т. В. Чернышовой, И. Н. Ивановой и др.) [Медиалингвистика 2016]. Данному вектору исследования посвящен специальный выпуск международного научного журнала «Медиалингвистика» (2016), в котором лингвоэкспертная тематика рассматривается на материале разных типов медиадискурса: массмедийного, экстремистского, лингвоэкспертного и др. (см. об этом: [Дускаева 2020: 400–420]).

Объектом изучения в статье является конфликтное речевое взаимодействие пользователей в сетевом пространстве современной России в юрислингвистическом аспекте. Предметом — дискредитирующий кибербуллинг в полилогах сетевого общения. Цель исследования — на материале спорных текстов, ставших объектом судебного разбирательства в 2019–2021 гг., описать разновидности (варианты) формирования дискредитирующего кибербуллинга в сетевом общении и выявить некоторые его типологические черты в сравнении с конфликтными текстами дискредитирующей направленности в материалах традиционных печатных массмедиа.

История вопроса

Термин «буллинг», как отмечают А. А. Бочавер и К. Д. Хломов, первоначально возник в исследованиях взрослых коллективов [Бочавер, Хломов 2013], а затем стал употребляться преимущественно для обозначения травли в юношеской среде. Использование термина «буллинг» в значении *травля* как «преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы», ввел в научный оборот норвежский психолог Д. Ольвеус в 1993 г. [Бочавер, Хломов 2013: 149].

Несмотря на то что термин «буллинг» используется относительно недавно, само явление психологического преследования члена какого-либо коллектива одним лицом или группой лиц, совершающих «умышленные действия, направленные на лишение... субъекта доверия к нему, на подрыв его авторитета, имиджа» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева 1999], иными словами, на дискредитацию, известно давно. По замечанию А. А. Бочавера и К. Д. Хломова, «травля развивается почти в любом закрытом сообществе, будь то армейское подразделение или элитный колледж» [Бочавер, Хломов 2013: 149].

Начиная с 1990-х годов, в период перестройки, на страницах газетных изданий стали публиковаться критические статьи, посвященные актуальным проблемам социально-политической жизни России, обладающие как социальной [Солганик 2006], так и псевдосоциальной оценочностью: «...текст, содержащий псевдосоциальную оценочность, опирается, как правило, на систему характеристик главного героя публикации, задача которых — целенаправленное снижение его образа как человека (а не как официального лица)» [Чернышова 2013: 163]. Стратегия дискредитации в медиатекстах с псевдосоциальной оценочностью, маскируемая под личное мнение автора, как правило, не содержит фактологической информации, концентрированно передает негативную авторскую оценку описываемого, не поддерживаемую в медиатексте системой доказательств (фактов). Такие медиатексты воспринимаются читателями как сознательная дискредитация личности в соответствии с авторским замыслом. Их типологические признаки [Чернышова 2013], на

наш взгляд, во многом соотносятся с типологическими признаками дискредитирующего кибербуллинга. С лингвистического исследования (экспертизы) подобных текстов, получивших название «спорных», по сути, на основе теоретического осмысления конфликтных медиатекстов, попавших в сферу судебного разбирательства в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации, началось формирование лингвоэкспертной области нового прикладного направления — юридической лингвистики [Дускаева 2020: 410–412]. Полагаем, что именно медиатексты с псевдосоциальной оценочностью способствовали распространению в обществе агрессивного речевого поведения, которое затем распространилось и на сетевое общение, породив разнообразные формы агрессивного взаимодействия коммуникантов в социальных сетях и мессенджерах.

В 1997 г. Б. Белси дал определение термина «кибербуллинг», под которым предложил понимать «использование информационных и коммуникационных технологий, например электронной почты, мобильного телефона, личных интернет-сайтов, для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей» (цит. по: [Суркова, Зеленский, Алексеевская 2019: 73]).

Группа российских авторов в 2019 г. опубликовала обзор зарубежных исследований кибербуллинга — травли при помощи современных технологий и интернета среди подростков и молодежи [Волкова, Волкова, Голубовская 2019: 71–81]. В обзоре отмечается, что в зарубежных странах (США, Великобритании и др.) исследования кибербуллинга как социальной проблемы пришлось на конец 1990-х — начало 2000-х годов. В России научные публикации по данной проблеме, также в связи с развитием интернета, появляются с 2014 г., а с 2017 г. в публикациях констатируются степень распространенности кибербуллинга и его негативные последствия для личностного роста молодых пользователей интернета [Волкова, Волкова, Голубовская 2019: 72].

Авторы обобщили тематику зарубежных и отечественных исследований и выделили среди них в качестве основных психологические, правовые, юридические компоненты [Волкова, Волкова, Голубовская 2019: 73–74] с явным преобладанием психологических аспектов. Среди исследований российских авторов также можно упомянуть ряд работ, опубликованных в течение пяти последних лет, проливающих свет на такие важные аспекты изучаемого явления, как содержание, виды и формы кибербуллинга [Бочавер, Хломов 2014; Пашкевич, Меженов 2019; Коданева 2020; Стукало 2020]; его психологические и правовые аспекты, связанные со своеобразием виртуальной среды [Бочавер, Хломов 2014; Шевко, Исхаков 2017]; типы травли и их воздействие на личность, репрезентации форм и последствий травли [Суркова, Зеленский, Алексеевская 2019]; психологические особенности личности участников кибербуллинга [Маховская, Марченко 2018; Мишина, Воробьева 2020].

Лингвистические аспекты изучения конфликтной ситуации, связанной с кибербуллингом, также в последнее время привлекают внимание лингвистов. Например, участники Международной заочной научной конференции «Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе» в своих статьях, опубликованных в одноименном электронном сборнике (2018), обращаются к нескольким актуальным проблемам изучения этого явления. Исследователей-лингвистов интересуют, в частности, формы агрессии, используемые в процессе интернет-травли; основные

характеристики вербального буллинга в социальных сетях, его вербальные особенности в реальной жизни и в интернет-пространстве и т. д. [Кликушина, Пальмова 2018: 23–27, 46–52, 75–78].

В 2021 г. под редакцией Н. Д. Голева вышла в свет коллективная монография в двух томах «Социальные сети: комплексный лингвистический анализ» (2021), в которой также затронуты аспекты конфликтного взаимодействия участников социальных сетей. Например, описывая коммуникацию в блогах, А. Б. Бушев обращается к обзору ряда зарубежных и отечественных исследований, содержащих классификацию вербально-агрессивных актов — от оскорблений и враждебных замечаний до угроз и грубых требований, принуждающих к выполнению какого-либо действия и реализуемых в основных формах кибербуллинга, к которым автор относит *флейминг*, *троллинг*, *клевету*, *раскрытие секретов*, *мошенничество* и многое др. [Голев 2021: 16]. М. Дебрени, реферируя в своем исследовании лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты коммуникации в соцсетях на материале монографии Мари-Анн Паво «Анализ цифрового дискурса» (2017), среди прочего обращается и к кибербуллингу. Автор, с одной стороны, характеризует его главные особенности — «анонимность, отсутствие очного контакта, продолжительность и массовое распространение», а с другой — указывает, что «жертвы кибербуллинга могут обыгрывать агрессию» и делать из нее «повод для гордости либо заменяют оскорбительные слова смайликами, достигая тем самым положительных эмоций» [Голев 2021: 50].

Лингвоправовой аспект конфликтного взаимодействия участников сетевой коммуникации представлен в публикациях томского исследователя А. В. Курьянович [Курьянович 2015; 2017; 2018]. На материале эпистолярного сетевого общения автор выделяет типические особенности конфликтного речевого взаимодействия в Сети, дает общую характеристику ситуации общения, приводящей к речевому конфликту; описывает конфликтную языковую личность и лексические единицы инвективного характера, применяемые ею «в сетевых эпистолярных текстах разной жанрово-стилевой ориентации... содержащих крайне негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент и используемых в целях оскорбления или унижения адресата» [Курьянович 2017: 67]; формулирует условия, при которых создается «ситуация возможной квалификации поведения конфликтной языковой личности с правовых позиций [Курьянович 2017: 67], а также предлагает критерии выделения некоторых видов конфликтного речевого поведения в сетевой переписке, среди которых — целевая установка автора, специфика дискурсивной ситуации, языковые особенности оформления авторских установок и др. [Курьянович 2017: 67]. В публикациях исследователя, как представляется, описан некий инвариант речевого поведения инвектора и инвектума в конфликтном сетевом общении, охватывающем открытый перечень разных проявлений конфликтных речевых актов (*спам-корреспонденция*, *флудинг*, *оффтопинг*, *троллинг*, *эльфинг*, *флейминг*, *кибербуллинг*, *кибермоббинг*, *сексти* [Курьянович 2017: 66; 2018: 130–131]).

Полагаем, что на основе данного инварианта, сформировавшегося на основе таких критериев, как цель, результаты и риски (в том числе правовые) его осуществления, языковые маркеры речевой интеракции, правовая оценка и др. [Курьянович 2017: 66–67], могут быть описаны разные варианты реализации агрессивного речевого поведения в сетевом общении, а также уточнены черты дискредитирую-

шего кибербуллинга как разновидности агрессивного речевого поведения, направленного на подрыв авторитета, имиджа и доверия к кому-либо и осуществленного через сетевую переписку в публичном и межличностном общении (социальные сети, мессенджеры, SMS-сообщения и т. п.).

Описание методики исследования

Исследование выполнено в русле коммуникативно-дискурсивной парадигмы [Сусов 1979; van Dijk 1985; Карасик 2000; Тичер и др. 2009; Леонтович 2011], предполагающей изучение особенностей конфликтного взаимодействия коммуникантов через призму дискурсивного описания ситуации общения, условий ее протекания и обусловленных ситуацией общения характеристик речевого поведения участников сетевого взаимодействия.

Анализ агрессивных проявлений конфликтных речевых действия коммуникантов с целью выделения их типологических признаков проводился по следующей схеме, которая объединяет несколько методических процедур, направленных на комплексное описание изучаемого объекта: 1) характеристика контекста-ситуации (речевой ситуации [Леонтович 2011: 110]), в рамках которого происходит конфликтная интеракция; 2) констатация факта (речевого события [Леонтович 2011: 110]), послужившего основой для оценочного комментария; 3) характеристика средств и способов, реализующих стратегию дискредитации [Чернышова 2013: 167] / снижение статуса оппонента (оскорбление) через создание посредством высказывания негативного образа субъекта кибербуллинга [Курьянович 2017: 67–68].

Анализ материала

Мы анализировали материал конфликтной речевой интеракции участников сетевого общения — социальных медиа как интернет-ресурсов, позволяющих обмен информацией любого формата между заинтересованными пользователями. Для исследования выбран материал, прошедший процедуру судебного разбирательства в 2019–2020 гг.: 1) частная SMS-переписка двух женщин, пребывающих в состоянии конфликта, содержащая негативно-оценочные высказывания (2021 г.); 2) чат участников долевого строительства «Дольщики»¹ в мессенджере WhatsApp (система обмена мгновенными сообщениями между пользователями с помощью сети Интернет; 3) фрагменты личной переписки двух основных участников сетевого конфликта в том же самом мессенджере (2019/2020 г.), содержащие негативно-оценочные высказывания оскорбительного характера в адрес «жертвы».

Все материалы, отобранные на основе типичных признаков ситуации дискредитирующего общения, выделенные ранее на материале традиционных медиа [Чернышова 2013], а также с учетом уже упоминавшихся ранее критериев дифференциации некоторых видов конфликтного речевого поведения в сетевой переписке [Курьянович 2017: 67], определены как **дискредитирующий кибербуллинг**, цель которого, в отличие от традиционного кибербуллинга, состоит не только (а в некоторых разновидностях кибербуллинга — не столько) в агрессивной травле участ-

¹ Название изменено.

ника сетевого взаимодействия ради самой травли, но в формировании у членов группы или случайных пользователей сетевого ресурса, которых привлекла обсуждаемая тема, нужного инициаторам конфликта мнения на основе дискредитации субъекта обсуждения неуместными действиями или словами, направленными на снижение его статуса как компетентного члена группы, профессионала, представителя определенного пола и т.д. В то же время все три примера позволяют выявить не только общие признаки агрессивного поведения в Сети, но и наметить разновидности (варианты) дискредитирующего кибербуллинга в зависимости от ряда факторов, обусловленных видом сетевого взаимодействия, характеристиками участников интернет-коммуникации, особенностями речевого поведения в каждом из рассмотренных примеров.

Варианты дискредитирующего кибербуллинга в сетевом общении (в сравнении с традиционным кибербуллингом): результаты исследования

Кибербуллинг в частной SMS-переписке

Характеристика контекста-ситуации. Анализируемые материалы относятся к персональному (лично ориентированному) типу дискурса. Персональный дискурс представляет собой неформальное общение, как правило, лично знакомых коммуникантов [Кушакова 2013]. Как следует из анализа SMS-сообщений, коммуниканты знают друг друга по имени, фамилии, им известны интимные детали личной жизни друг друга, есть общие знакомые. Основными признаками SMS-коммуникации являются опосредованность мобильным телефоном, диалогичность, приватный (интимный) характер общения, синхронность обмена информацией, дистантность, краткость, устно-письменный характер, спонтанность речевого акта, взаимодействие информативных и оценочных элементов, преимущественно неофициальный характер общения [Кушакова 2013]. Как правило, коммуниканты обладают «общей памятью» о тех событиях, которые общающимся хорошо известны. Стилистические особенности SMS-сообщений — разговорная лексика, большое количество грамматических ошибок, всевозможные формы компрессии (сжатия речи), эллипсы, умолчания, бессоюзие, разговорные варианты моделей предложения и т.д. [Венедиктова 2011].

Констатация факта (речевое или неречевое событие, послужившее основой для оценочного обмена оскорбительными SMS-высказываниями, которые стали причиной судебного разбирательства). На основе проведенного смыслового анализа установлено, что SMS-переписка между абонентами двух телефонных номеров (далее обозначенных как Ж1 и Ж2) носит агрессивно-конфликтный характер, причиной которого является длительная (в течение трех месяцев) конфронтация двух женщин из-за одного мужчины, приведшая к речевому конфликту и последующему судебному разбирательству. Особенность речевого конфликта состоит в том, что он возник в процессе длительных бытовых отношений между коммуникантами и лишь затем перешел в сетевую сферу.

Средства и способы, реализующие стратегию, направленную на снижение статуса коммуниканта. Конфликтное SMS-общение между субъектами ком-

муникации по всем признакам является кибербуллинг в традиционном его понимании как «намеренного, неоднократного и враждебного» поведения лица, направленного на оскорбление другого человека. Несмотря на то что обе участницы используют разнообразные языковые средства воздействия друг на друга, как прямого (непосредственно выражающего соответствующую иллокуцию, т.е. коммуникативную цель говорящего), так и косвенного (для выражения иллокутивной силы, не связанной с их прямым языковым значением [Гришечко 2008]), наиболее часто к прямому воздействию прибегает владелица номера Ж1 (инициатор конфликта и организатор кибербуллинга), обладающая значительно большим воздействующим потенциалом. Ее SMS-сообщения отличаются значительным объемом по сравнению с сообщениями Ж2, содержат формы повелительного наклонения (*включи свой мозг, мозги включи, шевели своей одной извилиной, заткнись и мычи в тряпочку* и др.²), многочисленные повествовательные и вопросительные конструкции, оценочную лексику (*Я не переживаю*) *я заметила тоотко, что ты психопатка с трясуцимися голосом; О да! Я вспомнила, Аслан³ тебя еще мышью называет. Говорит: «такая мышь»))))))*, *блишин, а тебе подходит! Я как тебя увидела, прям в точку))))))))*).

Напротив, косвенные средства речевого воздействия не выражают открыто намерений субъекта, это так называемые способы скрытого принуждения личности к определенному поведению через оценку ситуации, использование реплик, направленных на понижение психофизического состояния коммуниканта, повторы наиболее важных с точки зрения пишущего фрагментов SMS-сообщений, описание неблагоприятных последствий, которые могут наступить, если адресат не примет нужное решение, к которому его подталкивает говорящий. Примеры подобных высказываний Ж1 в адрес Ж2: *...я Аслана прошлое знаю от и до, я общаюсь очень плотно с его самыми близкими друзьями, с которыми тебе и не светит даже пообщаться)... А с тобой что — он просто при мне говорит — потеряйся. Почему ты, Даша, не теряешься? Тебе нравится эта боль, когда тебя унижают, называют раненой лошастью и мышью? Ты правда считаешь, что ты такая?* На наш взгляд, подобные высказывания, описывающие неприглядное поведение коммуниканта в межличностном общении, направлены на то, чтобы показать бессмысленность действий жертвы, сформировав у нее чувство стыда за свое якобы осуждаемое социумом поведение (своеобразная дискредитация жертвы в ее собственных глазах).

Все перечисленные особенности конфликтного SMS-взаимодействия между Ж1 и Ж2 — это массивное речевое воздействие, цель которого — повлиять на психическое состояние оппонента, снизить его социальный статус для достижения собственных намерений. Все эти составляющие характерны для особого оценочно-речевого акта — оскорбления.

При этом жесткой негативной оценке, выраженной в грубо-просторечной, в том числе и обценной, пренебрежительной форме, подвергаются разные стороны личности Ж2: ее умственные и мыслительные способности (*я угораю над твоей тупизной всегда!*); внешний вид, манеры поведения (*первый раз просто ох**ела от твоего потасканного и колхозного вида; ты быдло куринное!!* и др.); особенности

² Здесь и далее в примерах сохранены орфография и пунктуация источника.

³ Имена изменены.

характера, образа жизни, определяющие статус женщины в социуме (*ты мерзкая и конченная...*).

Приемы прямого и косвенного речевого воздействия в совокупности с манипулятивной стратегией на понижение, направленной на формирование отрицательной самооценки у жертвы манипулирования (Ж2) реализуются инициатором кибербуллинга через особый отбор языковых единиц, среди которых используется лексика экспрессивного русского просторечия, маркированная в словарях инвективной лексики пометами «вульгарное», «нецензурное», «грубо-просторечное»; лексика жаргонного происхождения, имеющая соответствующие пометы в словарях русского жаргона; лексика первичной или вторичной номинации, имеющая отношение к физиологическому «низу» человеческого тела: «передок», «дыра» (в значении «женский половой орган»); сниженная общенародная лексика, имеющая оценочные пометы «презрительное», «пренебрежительное».

По замечанию А. В. Курьянович, «адресация высказывания непосредственно конкретному лицу», а также присутствие в речи подобных негативно окрашенных единиц для создания негативного образа лица могут быть маркированы как ситуации, на которые распространяется правовая квалификация в соответствии со статьями действующего законодательства [Курьянович 2017: 67].

Результаты исследования чата участников долевого строительства «Дольщики» в мессенджере WhatsApp (продолжительность речевого конфликта — около 10 месяцев)

Характеристика контекста-ситуации. Обмен сообщениями в мессенджере WhatsApp группы «Дольщики» происходит в интернет-среде и представляет собой сетевую переписку двух или более лиц, сопровождаемую полилоговыми (т. е. предполагающими большое количество активных участников речевого акта) комментариями, осуществляемыми интерактивно как в вербальной (словесной), так и в невербальной форме (рисунки, «смайлики» и прочие графические изображения, сопровождающие речевое действие). Социальные сети и мессенджеры не являются каналами передачи официальной информации [Жданова 2019], поэтому обмен информацией в них даже малознакомых лиц, состоящих в деловых отношениях (именно такие отношения объединяют пользователей WhatsApp группы «Дольщики»), осуществляется в свободной, «неофициальной» форме, допускающей такой же свободный выбор языковых единиц и неязыкового оформления текстов сообщений. По замечанию Е. А. Ждановой, «одним из важных факторов, влияющих на язык общения в интернете, является взаимодействие устной и письменной форм речи» [Жданова 2019: 19]: часто послания оказываются короткими, как реплики в устном диалоге, вербальный ответ может быть заменен смайликом или изображением и т. д.

К другим устойчивым особенностям сетевой коммуникации можно отнести следующие:

— отсутствие дистанционированности адресата и адресанта (во временном и социальном плане): все участники мессенджера WhatsApp относятся к одной группе «Дольщики», которая была создана «для информирования участников долевого

строительства о ходе производства строительно-монтажных работ», и по этому критерию обладают одинаковым статусом, предполагающим общение на равных. Указанные особенности коммуникации в исследуемой группе допускают использование разнообразной оценочной лексики, пренебрежение необходимыми при общении малознакомых людей этикетными нормами (например, формами приветствия при вхождении в чат группы), упрощенный вариант общения, однако при этом сохраняется «вы-форма», согласуемая с глаголами в форме 2-го лица множественного числа при адресном обращении участников друг к другу, что нехарактерно, например, для межличностного обмена SMS-сообщениями при конфликтном развертывании интеракции.

7 июня 2019 г. М1⁴ в ответ на сообщение Ж2: *Ваша как фамилия звучит, тов. Ирина? Как-то Вы сегодня чрезмерно фамильярны.*

Ж2: *Я фамильярна до той степени, до которой сама решаю ... Вы что-то путали, тов. В. 😊 вы здесь-рядовой дольщик, а не главнокомандующий.*

М1: *Решайте лучше, значит. Не вижу повода, чтобы Вы ко мне обращались по фамилии, при этом скрывали свою.*

В том случае, если разговор становится конфликтоопасным, некоторые участники призывают смягчить накаляющуюся обстановку и вернуться к более деловой и вежливой форме общения:

7 июня 2019 г. М2: *Давайте сбавим тон.*

Ж2: *Добрый конечно, почему бы и нет. Давайте не будем терять человеческое лицо и будем общаться предметно и конструктивно, а не эмоциями, догадками и фантазиями.*

Ж3: *Милейшие будущие соседи! Уже была не раз написана просьба — междусобойчики и личные разборки устраивать в личной переписке!*

Ж4: *ооооо! час начнется... проснулся Народ, давайте не будем переходить на личности Кому то интересно говорить не о строительстве дома, а обсуждать болячки;*

— анонимность: несмотря на то что все участники группы являются дольщиками одного строительного объекта, их общее число (более 100 человек) не позволяет им лично знать друг друга, а в Сети многие из них зарегистрированы под вымышленными именами, не раскрывающими перед другими реальную личность, что является обыденной практикой для участников, общающихся в социальных сетях или мессенджерах. Отсутствие физического контактирования между коммуникантами на фоне потенциального обезличивания каждого из них в сетевой коммуникации снимает ряд этических и речевых барьеров, что в ряде случаев приводит к демонстрации деструктивного поведения, часто агрессивного по своей сути [Курьянович 2017].

Констатация факта (речевое событие, послужившее основой для оценочного комментария и приведшее к обострению социальных отношений в группе). Как показал анализ реплик-сообщений участников конфликтной интеракции, об-

⁴ Здесь и далее даны следующие обозначения участникам конфликтной речевой интеракции: М1 (инвектум, лицо, подвергшееся дискредитирующему кибербуллингу); М2, Ж2 (мужчина и женщина — инвекторы); остальные участники, комментирующие реплики и участвующие в обмене информации как зрители (читатели), помечены литерами М или Ж с цифрой, маркирующей их вхождение в обсуждение, например М3, Ж4 и т. д.

мен сообщениями между тремя коммуникантами (М1, Ж1 и М2) развертывается на фоне конфликтной речевой ситуации, возникшей из-за разногласий между участниками группы «Дольщики» по вопросу сроков завершения строительства жилого дома. Критическое отношение к ходу работ по завершению строительства дома выражено в сообщении пользователя, обозначенного как М1: *На личности и индивидуальные сроки переходить не рекомендую. За понуждение моего продавца отказаться от права требования в отношении сроков передачи объекта долевого строительства будет отдельный разговор. Это противозаконно (сообщаю на всякий случай). Вы здесь позицию застройщика обозначаете (?) Значит, нужно отвечать за весь период неспешн[ого] строительства, т. е. с 2014 г. Вот, выясняется, что заявку совсем недавно по электроснабжени[ю] подали и еще немного пальцем о палец ударили — неплохо. Но этого недостаточно. Потом вы еще тех. условия будете неизвестно сколько выполнять. У застройщика, кстати, готов официальный ответ на запрос?* Противоположная (контрастная) позиция представлена в сообщениях двух пользователей — М2 и Ж1: она сфокусирована не на обстоятельном обсуждении создавшейся ситуации, а на том, чтобы отвлечь дольщиков от реально существующих проблем и переключить их на личность участника М1, о чем свидетельствует наличие в репликах-сообщениях М2 и Ж1 исключительно оценочных высказываний, касающихся личностных и профессиональных качеств М1.

Средства и способы, реализующие стратегию дискредитации в высказываниях инициаторов кибербуллинга. Основной стратегией речевых действий Ж1 является дискредитация М1 как активного дольщика перед другими дольщиками с целью сокрытия истинного положения дел на строительстве жилого дома.

По замечанию исследователей, в наиболее общем виде «коммуникативная стратегия связывается с мотивами, интенцией, некоторой общей целью говорящего и выбором наиболее адекватных способов ее достижения» [Карпов, Морева 2010]. Решению этих задач способствуют коммуникативные (речевые) тактики, реализующие стратегию. Под речевой тактикой понимается такое речевое действие, которое соответствует тому или иному этапу реализации коммуникативного задания автора и цели коммуникативного воздействия [Карпов, Морева 2010].

Проиллюстрируем речевое поведение участников группы на примере анализируемого речевого конфликта. Как следует из анализа выделенных реплик сообщений М1 и Ж1, с самого начала участника сетевого общения Ж1 не была настроена на конструктивное деловое обсуждение интересующих дольщиков вопросов: все деловые комментарии и вопросы, содержащиеся в репликах-сообщениях пользователя М1, **обесценивались и обесмысливались** в комментариях Ж1 через негативную характеристику М1, а сам он позиционировался как неумный, непрофессиональный, плохо осведомленный субъект: *Он-провокаатор; профессиональный потребительский террорист!!!; Вы точно не в своем уме!!; А вы являетесь дееспособным гражданином???? а справка есть???*; *В., вы осёл!!!; ...в вашем кроличьем мозгу задержка???*; *Недоучка*; и др. Благодаря использованию негативно-оценочной лексики создавался негативный образ лица с целью его последующей дискредитации перед другими участниками, что достигалось при помощи следующих коммуникативных ходов:

— публичное выражение отрицательной оценки текущих речевых действий пользователя М1: *Вы что-то попутали, тов. В. вы здесь-рядовой дольщик, а не главнокомандующий; вы очень плохо осведомлены;*

— понижение их ценности за счет снижающих действия М1 номинаций: *так что успокойтесь и прекратите наконец словесную диарею...; так что прекратите цирк;*

— показная забота о дольщиках и позиционирование М1 как баламута, обманщика и клоуна: *Ну хотел чел бабла срубить по легкому... с кем не бывает...; и не баламутьте народ...; прекратите морочить людям голову...; Тут клоун есть, с ним поговорите. Он повеселить любит народ;*

— прямые оскорбления через игру слов на основе сравнения: в адрес М1, например: *О, В., как красная тряпка Просто-как тряпка; Кстати, клоун вы наши и неуч; Вывод — В., вы осёл;*

— откровенная издевка, демонстрация фамильярного поведения в адрес М1: *успокойтесь уже и идите пасти гусей!!; Я бы вас на х@й направила!!!! Да что там идите!!!*

В ином ключе оформлена травля-дискредитация в репликах М2 в адрес М1. Как показал сопоставительный анализ, обмен репликами между М1 и М2 поначалу содержит видимые признаки делового диалога, однако уже в последующих репликах-сообщениях М2 использует тактику запугивания оппонента, указывая на нежелательность активных действий со стороны М1, которые могут вызвать недовольство дольщиков: *Начнёте пытаться блокировать работу застройщика — люди спасибо не скажут.* Затем тональность сообщений со стороны М2 в адрес М1 меняется, тон становится насмешливо-фамильярным — основная тактика воздействия на собеседника состоит в приписывании М1 пользователем М2 неких действий и эмоций, которые он якобы испытывает: *Я прям вижу как с заламыванием рук, истерикой и болью в глазах, вы на собраниях в апреле, будучи купив квартиру в апреле, начинаете говорить в надрывом как жестоко вам кинули и обманули))))) с протоколом в руках)))).* В отличие от реплик Ж1, для которых характерна грубо-фамильярная оценка личностных и деловых качеств оппонента, М2 облакает оценочный текст в насмешливую ироническую форму, обыгрывающую жанр военного приказа: *Товарищ В. отставить словесную диарею!!!* Наконец, в реплике-сообщении М2 в ответ на сообщение М1, призывающего дольщиков познакомиться с результатами работы инициативной группы, оценка речевых действий оппонента со стороны М2 окончательно приобретает разговорно-пренебрежительную окраску, направленную на снижение эффекта от речевых действий М1: *Балаболка проснулся, с броневишка удобней вещать*), — где существительное «балаболка» имеет значение: «1. муж. и жен. Пустомеля, болтун или болтушка (разговорное, пренебрежительное)» [Словари и энциклопедии...].

Иллокутивная сила дискредитирующих речевых высказываний М2 и Ж1 в адрес М1 усиливается за счет гармоничного взаимодействия участников М2 и Ж1. Их высказывания оформлены в близком по стилевой направленности регистре (с одной стороны, грубо издевательски-насмешливом, а с другой — тоже насмешливо-издевательском, но в более мягкой ироничной форме). Выбор регистра направлен на формирование отрицательного образа М1 с целью снижения

его статуса в глазах участников группы и отвлечения их внимания от проблем, связанных с задержкой строительства жилого здания, дольщиками которого они являются.

Таким образом, дискредитирующий буллинг здесь мотивирован желанием его организаторов избавиться от активного члена группы дольщиков строительства, задающего слишком много «неудобных» вопросов.

Личная переписка в мессенджере WhatsApp

Помимо публичного сетевого общения, кибербуллинг представлен и в личной переписке между М1 и Ж1. Основная стилевая направленность этих сообщений — крайне негативно-оценочная: они содержат прямое обращение к адресату с использованием отрицательно окрашенной, сниженной, вульгарной и разговорной лексики, призванной продемонстрировать личное негативное отношение Ж1 к личностным и деловым качествам М1. Отсутствие иных участников, кроме непосредственных адресанта и адресата, в межличностной переписке снимает последние этические и речевые ограничения, и общение из дискредитирующего трансформируется в классический кибербуллинг, цель которого — в открытой форме выразить негативное отношение к М1 через использование речевого акта оскорбления. Ж1, например, для характеристики личностных качеств М1 использует такие оценочные языковые единицы, как *Тупое животное!!; Неуч тупорылый* и др. Существительное «животное» применительно к человеку употребляется в тех случаях, когда пишущий хочет подчеркнуть такие качества человека, как грубость, наличие низменных инстинктов: «Животное. 2. Разговорно-сниженное. О человеке грубом, с низменными инстинктами» [Словари и энциклопедии...]. Использование слова с нарушением орфографии («жы» вместо «жи») может быть особенно так называемого стиля «падонкаф», появившегося в России одновременно с развитием интернет-технологий. Слово сочетание *неуч тупорылый* содержит имя существительное «неуч», использованное в значении «необразованный, невежественный человек» [Словари и энциклопедии...], сопровождаемое пометами «разговорное, пренебрежительное». Слово «неуч» усилено эпитетом «тупорылый» — просторечным словом в значении: «презрительное, бранное. С трудом соображающий, умственно ограниченный, тупой человек» [Химик 2004: 622].

В представленных сообщениях содержатся также два изображения в виде смайликов (от англ. smile — «улыбка»), сопровождающих и усиливающих оценочный потенциал текстовых сообщений.

Неуч тупорылый 🐕. Представленное изображение обозначает навозную кучу и используется как замена ругательству. Выполняет две функции: с одной стороны, усиливает негативный потенциал высказывания, а с другой — придает ему комический несерьезный характер, возможно выражает насмешку.

 вам в помощь!! Изображение скорой помощи, возможно, содержит намек на имеющиеся у адресата проблемы с головой (см. интерпретацию сочетания «неуч тупорылый»).

Выводы

Исследование, проведенное на материале трех разновидностей агрессивного речевого поведения коммуникантов сетевого общения — SMS-переписка, чат участников в мессенджере WhatsApp и личная переписка в том же мессенджере, позволило уточнить некоторые типологические признаки разновидностей кибербуллинга как отчетливой социальной проблемы, требующей обсуждения и поиска методов решения, стремительно распространяющейся и за рубежом, и в России в форме травли, использующей возможности интернета с целью агрессивного преследования человека [Бочавер, Хломов 2014: 179].

Сопоставительный анализ публичных агрессивных речевых действий, связанных с попыткой дискредитировать оппонента в традиционных медиа (СМИ) и социальных мессенджерах, позволил выявить их общие и различающиеся признаки.

Предполагаем, что к общим признакам, которые объединены стратегией и тактиками, реализующими дискредитирующие интенции инициатора речевого конфликта и направленными на негативную трансформацию имиджа субъекта в социуме, относятся целенаправленный и заранее спланированный выбор жертвы, обусловленный ситуацией общения и целями дискредитирующих или оскорбительных действий, и конвенционально или законодательно закрепленные правила речевого поведения в публичном и частном речевом общении.

Различия, на наш взгляд, обусловлены прежде всего типом дискурса (институциональный, межперсональный или смешанный), формой проявления языка как средства общения (письменная/печатная, устная, электронная); фактором адресата (числом участников, втянутых в речевой конфликт или наблюдающих его); совокупностью отобранных для осуществления кибербуллинга языковых и неязыковых средств.

Полагаем, что современные массмедиа во многом определяют характер речевого поведения своей целевой аудитории в социуме, рамки агрессивного (деструктивного) или конструктивного поведения пользователей социальных сетей и мессенджеров и служат своеобразным эталоном отбора речевых средств коммуникации не только в «реальном», но и в современном виртуальном межличностном и полуофициальном общении.

Литература

- Бегун, В. В., Салимовский, В. А. (2009). Цинизм и пошлость в массмедийном дискурсе (лингвоэкологический аспект). В Г. А. Копнина (Ред.), *Речевое общение и вопросы экологии русского языка* (с. 33–42). Красноярск: Сибирский федерал. ун-т.
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2013). Буллинг как объект исследования и культурный феномен. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3 (15), 149–159.
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2014). Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3 (11), 177–191.
- Венедиктова, Ю. Е. (2011). *СМС-сообщения: опыт типологического исследования*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Волкова, Е. Н., Волкова, И. В., Голубовская, А. С. (2019). Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 2 (12), 71–81.
- Галкин, Д. В. (2012). Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики. *Международный журнал исследований культуры*, 3 (8), 11–16.

- Голев, Н. Д. (Ред.). (2021). *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: в 2 т. Т. 1*. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т.
- Горбаневский, М. В., Трофимова, Г. Н. (2021). *ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам — 20 лет*. Москва: Маска.
- Гришечко, Е. Г. (2008). Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия. *Гуманитарные и социальные науки*, 4, 53–58.
- Дурноглазов, Е. Е., Кузнецова, Е. А., Шевердин, И. В., Горбулина, Т. С., Колесниченко, К. А. (2019). *Цифровая образовательная среда электронного обучения*. Курск: Курский институт развития образования.
- Дускаева, Л. Р. (Ред.). (2018). *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*. Москва: Флинта.
- Дускаева, Л. Р. (Ред.). (2020). *Медиалингвистика славянских стран*. Москва: Флинта.
- Елькина, Е. Е. (2018). Цифровая культура в сетевом обществе: социально-философский анализ. *Культура и технологии*, 3 (3), 47–57.
- Жданова, Е. А. (2019). Теоретические основы диагностических методик судебного авторождения (на материале письменной межличностной электронной коммуникации). *Юрислингвистика*, 13, 18–24.
- Карасик, В. И. (2000). О типах дискурса. В В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин (Ред.), *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* (с. 5–20). Волгоград: Перемена.
- Карпова, Н. А., Морева, А. В. (2010). Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках). *Язык и культура*, 1 (9), 24–32.
- Кликушина, Т. Г., Пальмова, Е. А. (2018). *Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе*. Ростов н/Д: Ростовский гос. экон. ун-т.
- Коданева, С. И. (2020). Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения. *Социальные новации и социальные науки*, 1, 149–159.
- Косорукова, А. А. (2018). Этика мессенджеров: проблемы эпистолярного общения в контексте развития информационных технологий. *Гуманитарный вестник*, 9 (71). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2018-9-551>
- Коноваленко, И. В. (2009). Языковая личность в личностно-ориентированном конфликтном дискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*, 10, 44–47.
- Курьянович, А. В. (2015). Правовые аспекты речевого поведения носителей в сфере современной электронно-медийной коммуникации. *Юрислингвистика*, 4 (15), 25–32.
- Курьянович, А. В. (2017). Речевая интеракция в социальных сетях: лингвоправовой аспект характеристики. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*, 21, 66–70.
- Курьянович, А. В. (2018). Опыт лингвоправовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке). *Вестник ТГПУ*, 2 (191), 127–142.
- Кушакова, Н. О. (2013). SMS-опосредованная коммуникация: жанровый аспект. *Медиаскоп*, 3. Электронный ресурс <http://www.mediascope.ru/node/1382>
- Леонтович, О. А. (2011). *Методы коммуникативных исследований*. Москва: Гнозис.
- Лукинова, О. В. (2020). *Цифровой этикет. Как не бесить друг друга в интернете*. Москва: Эксмо.
- Маховская, О. И., Марченко, Ф. О. (2018). Сетевые агрессия и нарциссизм: искажения и ложные презентации личности. *Человек и мир*, 2 (2), 88–107.
- Михайлова, О. Р. (2019). Когда оскорбление воспринимается как шутка? Персональные и ситуативные факторы отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22 (2), 55–92.
- Мишина, М. М., Воробьева, К. А. (2020). Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях. *Вестник Московского государственного областного университета*, 3, 29–43.
- Никишин, В. Д. (2020). Объекты судебной лингвистической экспертизы: новые вызовы криминогенной интернет-коммуникации. *Вестник университета им. О. Е. Кутафина*, 6, 79–88.
- Панов, В. И., Паграков, Э. В. (2020). *Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия*. Москва: Психологический институт Российской академии образования.
- Пашкевич, О. И., Меженев, М. Ю. (2019). Кибербуллинг — типы травли и их воздействие на личность. В *Современные тенденции развития системы образования* (с. 72–75). Чебоксары: Среда.
- Райзберг, Б. А., Лозовский, Л. Ш., Стародубцева, Е. Б. (1999). *Современный экономический словарь*. Электронный ресурс https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/5270

- Солганик, Г. Я. (2006). Автор как стилиобразующая категория публицистического текста. В *Синтаксическая стилистика* (с. 202–211). Москва: КомКнига.
- Стукало, И. С. (2020). Определение понятия кибербуллинга на основании исследований зарубежных и отечественных ученых. *Молодой ученый*, 2 (292), 218–220. Электронный ресурс <https://moluch.ru/archive/292/66081/>.
- Суркова, И. Ю., Зеленский, П. А., Алексеевская, Я. И. (2019). Кибербуллинг в пространстве интернет-коммуникаций как форма деструктивной активности молодежи. *Парадигма*, 2, 72–79.
- Сусов, И. П. (1979). О двух путях исследования содержания текста. В *Значение и смысл речевых образований* (с. 90–103). Калинин: КГУ.
- Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., Веттер, Е. (2009). *Методы анализа текста и дискурса*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Третьякова, В. С. (2013). Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы. *Вестник ЧелГУ*, 1 (292), 279–282.
- Химик, В. И. (2004). *Большой русский словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Чернышова, Т. В. (2013). Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью. *Филология и человек*, 3, 162–175.
- Чернышова, Т. В. (2016). Модели конфликтного речевого взаимодействия в неофициальном публичном общении (на материале обсуждений в социальных сетях интернет-коммуникации). В *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil* (с. 21–33). Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität.
- Шевко, Н. Р., Исхаков, И. И. (2017). Особенности проявления буллинга в социальных сетях. *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*, 2 (3). Электронный ресурс <https://readera.org/142215809>.
- Duskaeva, L. (Ed.). (2021). *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Duskaeva, L. (Ed.). (2022). *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication*. London: Routledge.
- van Dijk, T. A. (Ed.). (1985). *Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4: Discourse Analysis in Society*. London: Academic Press.

Источники

- Медиалингвистика* (2016). Вып. 5. Язык в координатах массмедиа. Санкт-Петербург.
- Медиалингвистика*. (2019). Вып. 2 (6). Электронный ресурс: <https://medialing.ru/2019-tom-6-2/>.
- Словари и энциклопедии на Академике*. Электронный ресурс <https://dic.academic.ru/>.
- Социальные медиа, их виды и правила работы с ними* (2017). Электронный ресурс <https://semantica.in/blog/soczialnye-media-ikh-vidy-i-pravila-raboty-s-nimi.html>.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 10 мая 2022 г.

Контактная информация:

Чернышова Татьяна Владимировна — д-р филол. наук, проф.; labrlexis@gmail.com

Discrediting bullying in online dialogues (on the material of linguo expert practice)

T. V. Chernyshova

Altai State University,
66, ul. Dimitrova, Barnaul, 656049, Russian Federation

For citation: Chernyshova T. V. (2022). Discrediting bullying in online dialogues (on the material of linguo expert practice). *Media Linguistics*, 9 (3), 170–189. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.301> (In Russian)

This article presents the results of the study — discrediting cyberbullying in the polylogues of network communication. The purpose of the study is to describe the options for the formation

of defamatory cyberbullying in network communication and to identify some of its typological features in comparison with conflicting texts of a defamatory orientation in the materials of traditional print media based on the material of controversial texts that became the object of litigation in 2019–2021. The study, conducted on the material of three types of aggressive verbal behavior of network communicators — SMS correspondence, chat in the WhatsApp messenger and personal correspondence in the same messenger, made it possible to clarify some typological features of cyberbullying varieties as a distinct social problem that requires discussion and search for solutions. A comparative analysis of public aggressive speech actions associated with an attempt to discredit an opponent in traditional media (media) and social messengers made it possible to identify their common and different features. The common features, united by the strategy and tactics of discrediting, include: purposeful and pre-planned choice of the victim, due to the situation of communication, goals, the implementation of which is pursued by discrediting or offensive actions; conventionally or legally fixed rules of speech behavior in public and private speech communication. The differences, in our opinion, are primarily due to the type of discourse (institutional, interpersonal or mixed), the form of language manifestation as a means of communication (written/printed, oral, electronic); addressee factor (the number of participants involved in a speech conflict or observing it); a set of linguistic and non-linguistic means selected for cyberbullying. We believe that modern mass media serve as a kind of standard for the selection of speech means of communication, not only in “real”, but also in modern virtual communication.

Keywords: network space, traditional media, defamation, defamatory cyberbullying.

References

- Begun, V.V., Salimovskii, V.A. (2009). Cynicism and Vulgarity in Mass Media Discourse (Linguistic and Ecological Aspect). In G.A. Kopnina (Ed.), *Rechevoe obshchenie i voprosy ekologii russkogo iazyka* (pp. 33–42). Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ. (In Russian)
- Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. (2013). Bullying as an Object of Research and a Cultural Phenomenon. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 3 (10), 149–159. (In Russian)
- Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. (2014). Cyberbullying: bullying in the space of modern technologies. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 3 (11), 177–191. (In Russian)
- Chernyshova, T.V. (2013). Typological features of media texts with pseudo-social appraisal. *Filologiya i chelovek*, 3, 162–175. (In Russian)
- Chernyshova, T.V. (2016). Models of conflict speech interaction in informal public communication (on the basis of discussions in social networks of Internet communication). In *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil* (pp. 21–33). Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. (Ed.). (2021). *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Duskaeva, L. (Ed.). (2022). *The Ethics of Humour in Online Slavic Media Communication*. London: Routledge.
- Duskaeva, L.R. (Ed.). (2018). *Medialinguistics in terms and concepts*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L.R. (Ed.). (2020). *Media linguistics of the Slavic countries*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Durnoglazov, E.E., Kuznetsova, E.A., Sheverdin, I.V., Gorbulina, T.S., Kolesnichenko, K.A. (2019). *Digital educational environment of e-learning*. Kursk: Kurskii institut razvitiia obrazovaniia Publ. (In Russian)
- El'kina, E.E. (2018). Digital culture in the network society: socio-philosophical analysis. *Kul'tura i tekhnologii*, 3 (3), 47–57. (In Russian)
- Galkin, D.V. (2012). Digital Culture: Methodological Issues in the Study of Cultural Dynamics. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury*, 3 (8), 11–16. (In Russian)
- Golev, N.D. (Ed.). (2021). *Social networks: complex linguistic analysis. In 2 vols. Vol. 1*. Kemerovo: Kemerovo State University Publ. (In Russian)
- Gorbanevskii, M.V., Trofimova, G.N. (2021). *GLADIS in the digital space. Guild of Expert Linguists in Documentation and Information Disputes — 20 years*. Moscow: Maska Publ. (In Russian)
- Grishechko, E.G. (2008). Definition of the concept of speech impact and types of this impact. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 4, 53–58. (In Russian)

- Karasik, V.I. (2000). About types of discourse. In V.I. Karasik, G.G. Slyshkin (Eds), *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* (pp. 5–20). Moscow: Peremena Publ. (In Russian)
- Karpova, N. A., Moreva, A. V. (2010). Communicative Tactics of Motivation in the Speech Genre (on the Material of an Administrative Announcement in Russian and German). *Iazyk i kul'tura*, 1 (9), 24–32. (In Russian)
- Khimik, V.I. (2004). Big Russian Dictionary of Russian Colloquial Expressive Speech. Saint Petersburg: Norint Publ. (In Russian)
- Klikushina, T. G., Pal'mova, E. A. (2018). *Verbal bullying in social networks and foreign language media discourse*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics Publ. (In Russian)
- Kodaneva, S.I. (2020). Cyberbullying: causes of the phenomenon and methods of prevention. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki*, 1, 149–159. (In Russian)
- Kosorukova, A. A. (2018). Ethics of messengers: problems of epistolary communication in the context of information technology development. *Gumanitarnyi vestnik*, 9 (71). <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2018-9-551> (In Russian)
- Konovalenko, I. V. (2009). Linguistic personality in personality-oriented conflict discourse. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10, 44–47. (In Russian)
- Kur'ianovich, A. V. (2015). Legal aspects of the speech behavior of carriers in the field of modern electronic media communication. *Iurisl'ingvistika*, 4 (15), 25–32. (In Russian)
- Kur'ianovich, A. V. (2017). Speech Interaction in Social Networks: Linguistic and Legal Aspect of Characteristics. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 21, 66–70. (In Russian)
- Kur'ianovich, A. V. (2018). The experience of linguistic and legal characteristics of a conflicting linguistic personality (on the example of the analysis of the communicative behavior of a troll in network correspondence). *Vestnik TGPU*, 2 (191), 127–142. (In Russian)
- Kushakova, N. O. (2013). SMS-mediated communication: genre aspect. *Mediascope*, 3. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/node/1382>. (In Russian)
- Leontovich, O. A. (2011). *Communication Research Methods*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russian)
- Lukina, O. V. (2020). *Digital etiquette. How not to annoy each other on the Internet*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
- Makhovskaia, O.I., Marchenko, F.O. (2018). Network Aggression and Narcissism: Distortions and False Presentations of Personality. *Chelovek i mir*, 2 (2), 88–107. (In Russian)
- Mikhailova, O.R. (2019). When is an insult taken as a joke? Personal and situational factors of disabling the moral responsibility of a cyberbullying witness. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 22 (2), 55–92. (In Russian)
- Mishina, M. M., Vorob'eva, K. A. (2020). Psychological characteristics of the personality of cyberbullying participants in popular social networks. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, ser. Psikhologicheskie nauki*, 3, 29–43. (In Russian)
- Nikishin, V.D. (2020). Objects of forensic linguistic expertise: new challenges of criminogenic Internet communication. *Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina*, 6, 79–88. (In Russian)
- Panov, V.I., Patrakov, E. V. (2020). *Digitalization of the information environment: risks, perceptions, interactions*. Moscow: Psikhologicheskii institut Rossiiskoi akademii obrazovaniia Publ. (In Russian)
- Pashkevich, O.I. Mezhenov, M. Iu. (2019). Cyberbullying — types of bullying and their impact on personality. In *Sovremennye tendentsii razvitiia sistemy obrazovaniia* (pp. 72–75). Cheboksary: Sreda Publ. (In Russian)
- Raizberg, B. A., Lozovskii, L. Sh., Starodubtseva, E. B. (1999). *Modern Economic Dictionary*. Retrieved from https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/5270. (In Russian)
- Solganik, G. Ia. (2006). The author as a style-forming category of journalistic text. In *Sintaksicheskaiia stilistika* (pp. 202–211). Moscow: KomKniga (In Russian)
- Stukalo, I. S. (2020). Definition of the concept of cyberbullying based on the research of foreign and domestic scientists. *Molodoi uchenyi*, 2 (292), 218–220. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/292/66081/>. (In Russian)
- Surkova, I. Iu., Zelenskii, P. A., Alekseevskaia, I. I. (2019). Cyberbullying in the space of Internet communications as a form of destructive activity of youth. *Paradigma*, 2, 72–79. (In Russian)
- Susov, I. P. (1979). About two ways of studying the content of the text. *Znachenie i smysl rechevykh obrazovaniia* (pp. 90–103). Kalinin: Kalinin State University. (In Russian)
- Shevko, N. R., Iskhakov, I. I. (2017). Features of the manifestation of bullying in social networks. *Features of the manifestation of bullying in social networks*, 2 (3). Retrieved from <https://readera.org/142215809>. (In Russian)

- Ticher, S., Meier, M., Vodak, R., Vetter, E. (2009). *Methods of text and discourse analysis*. Kharkov: Gumani-tarnyi tsentr Publ. (In Russian)
- Tret'iakova, V. S. (2013). Speech conflictology: problems, tasks, prospects. *Vestnik ChelGU*, 1 (292), 279–282. (In Russian)
- van Dijk, T. A. (Ed.). (1985). *Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4: Discourse Analysis in Society*. London: Academic Press.
- Venediktova, Iu. E. (2011). *SMS messages: experience of typological research*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Volkova, E. N., Volkova, I. V., Golubovskaia, A. S. (2019). Review of foreign studies on the problem of cyber-bullying among adolescents and youth. *Teoreticheskaia i eksperimental'naia psikhologiya*, 2 (12), 71–81. (In Russian)
- Zhdanova, E. A. (2019). Theoretical Foundations of Diagnostic Methods of Forensic Author Studies (Based on Written Interpersonal Electronic Communication). *Iurisl'ingvistika*, 13, 18–24. (In Russian)

Sources

- Dictionaries and encyclopedias at Academician*. Retrieved from <https://dic.academic.ru/>. (In Russian)
- Medialinguistics*. (2016). Vol. 5. Language in the coordinates of mass media. Saint Petersburg. (In Russian)
- Medialinguistics*. (2019). No. 2 (6). Retrieved from <https://medialing.ru/2019-tom-6-2/>. (In Russian)
- Social media, their types and rules for working with it*. (2017). Retrieved from <https://semantica.in/blog/soczialnye-media-ikh-vidy-i-pravila-raboty-s-nimi.html>. (In Russian)

Received: February 17, 2022

Accepted: May 10, 2022

Author's information:

Tatyana V. Chernyshova — Dr Sci. in Philology, Professor; labrlexis@gmail.com